

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-627-638

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Омонимическая и тавтологическая рифма в поэзии К. Симонова

И.Н. Коржова, А.В. Леденёв

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
clean24@yandex.ru; aledenev@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются омонимические и тавтологические рифмы как форма языковой игры в поэзии К. Симонова. Изучение рифм в поэзии названного автора, как и обращение в связи с его творчеством к категориям игровой поэтики, осуществляется впервые. Для обозначения частотного у Симонова переходного случая между двумя видами рифм вводится термин «полисемантическая рифма». Выявлена динамика предпочтений рифм и выдвигаются их функции на протяжении творчества Симонова. В ранних поэмах он активно обращается к омонимическим рифмам, имеющим характеризующую и миромоделирующую функции. Рифма становится частью более сложной игры и усиливается повторами однокоренных и сходнозвучающих слов, создающих плотную семантическую сетку из важных для Симонова понятий. В зрелом творчестве поэт чаще обращается к полисемантической рифме, а если ставит в позицию конца строки омонимы, то не всегда рифмует их друг с другом. При сохранении прежних функций к ним добавляются традиционная юмористическая и композиционная, связанная с обособлением строк в качестве самостоятельных афоризмов.

Ключевые слова: омонимическая рифма, тавтологическая рифма, полисемия, языковая игра, афоризм, К. Симонов

История статьи: поступила в редакцию – 1 сентября 2020 г.; принята к публикации – 12 сентября 2020 г.

Для цитирования: Коржова И.Н., Леденёв А.В. Омонимическая и тавтологическая рифма в поэзии К. Симонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 627–638. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-627-638>

Homonymous and tautological rhymes in K. Simonov's poetry

Inessa N. Korzhova, Alexander V. Ledenev

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
clean24@yandex.ru; aledenev@mail.ru

Abstract. The article explores homonymous and tautological rhymes in K. Simonov's poetry as a form of language game. The study of rhymes in the author's poetry, as well as the appeal to the categories of play-element poetics in connection with his work, is realized for

© Коржова И.Н., Леденёв А.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the first time. The term “polysemantic rhyme” is introduced to denote the transitional case between the two types of rhymes which is often found in Simonov’s poetry. The dynamics of rhyme preferences and their functions throughout Simonov’s work is revealed. In the early poems, he actively uses homonymous rhymes, that have a characterizing and world-modeling function. Rhyme becomes part of a more complex game and is reinforced by repetitions of similar-root and similar-sounding words, that create a dense semantic grid of important to Simonov concepts. In mature creativity, the poet often turns to polysemantic rhyme, and if he puts homonyms at the end of the line, they does not always rhyme with each other. While maintaining the previous functions, traditional humorous and compositional ones are added to them, the latter is associated with the separation of lines as independent aphorisms.

Keywords: homonymous rhyme, tautological rhyme, polysemy, language game, aphorism, K. Simonov

Article history: received – 1 September 2020; revised – 6 September 2020; accepted – 12 September 2020.

For citation: Korzhova, I.N., & Ledenev, A.V. (2020). Homonymous and tautological rhymes in K. Simonov’s poetry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 627–638. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-627-638>

Введение

Поэтика лирики Симонова изучена очень незначительно, искать же стиховедческие исследования о нем вовсе безнадежно. Л.И. Лазарев делает единственное известное нам наблюдение над рифмой поэта: «Симонов как будто не слишком заботится о том, что Маяковский называл “приемами обработки слов”, вроде бы не отличаются у него особой свежестью и разнообразием рифмы – попадают даже “тобой – мной”, “других – твоих”, “собой – тобой”. <...> Обманчиво впечатление, что он, не утруждая себя, пользуется тем, что лежит под руками. Скажем, в переводах и “домашних” стихах Симонов куда более изобретателен и по части рифмовки, и по части словесной инструментовки, он нередко демонстрирует изощренную поэтическую технику» [1. С. 36–37]. И подводит итог: «Симонов стремится к ясности выражения и ясности самого чувства, избегая какой-либо экстравагантности – словесной и образной» [1. С. 37–38].

Но следующие строки из поэмы «Победитель» об уже прикованном к кровати Островском заставляют пересмотреть тезис об экстравагантности: «В августе слег с воспалением легких, / Если к нему применимо – слег. / Со всем исхудавши, сделался легким, / Неошутимым, как мотылек» [2. С. 321]. Здесь и горький каламбур, возникающий из-за наложения прямого и переносного значения слова «слег», и вынесенная в сильную позицию конца строки игра омонимами «легких – легкий». Для ее характеристики приходится изобрести такой терминологический гибрид, как неточная омонимическая рифма, она и формирует гротескный образ жестокой усмешливой судьбы. Создавая сложный контрапункт мотивов, поэт рифмует тяжелое «слег» с крылатым «мотылек». Но и на этом семантические возможности рифмы не исощаются: бабочка и мотылек – вечные мифологические символы души; легкие – орган телесный, но связанный с дыханием; дыхание же буквально родственно слову «душа». Однако дыхание затруднено – душа заперта. Так омонимы усиливают тему телесного плена.

Обращение к омонимии и полисемии, в том числе в позиции рифмы, не является единичным в поэзии Симонова. Задачей данной статьи является исследование омонимической и тавтологической рифмы во всем корпусе поэтических текстов Симонова и выявление их функций.

Омонимическая и тавтологическая рифмы в свете теории языковой игры

Омонимическая и тавтологическая рифмы традиционно противопоставляются как богато и бедно звучащие [3; 4], хотя М.Л. Гаспаров отмечает: «Между этими двумя крайностями есть, однако, еще более любопытные промежуточные случаи – правда чрезвычайно редкие: когда одно и то же слово употреблено в рифме один раз в своем основном значении, а другой раз – в переносном, метафорическом» [4. С. 49–50]. Именно эти промежуточные случаи особенно частотны у Симонова.

Различение повтора и омонимии на практике очень сложно. Ю.М. Лотман подчеркивал: «В отличие от разговорной речи, поэтическая речь не знает абсолютного семантического повтора, так как та же лексическая или та же семантическая единица при повторении оказывается уже в другой структурной позиции и, следовательно, приобретает новый смысл» [3. С. 127–128]. Поскольку в большинстве омонимических рифм Симонов обыгрывает разошедшиеся значения когда-то единого слова, а в тавтологических рифмах заставляя слово мерцать разными значениями, мы будем называть переходные случаи полисемантической рифмой и расценивать интерес поэта к омонимической и тавтологической рифме как целостное явление, имеющее общие функции.

Демонстративное обращение к омонимии и полисемии исследователи относят к приметам игровой поэтики и, шире, языковой игры. Термин «игровая поэтика» был введен А.М. Люксембургом и Г.Ф. Рахимкуловой в книге «Мастер игры Вивиян Ван Бок» и теоретически обоснован последней. В осмыслении Г.Ф. Рахимкуловой важной характеристикой игрового текста является его сосредоточенность на собственных механизмах порождения: «Нет необходимости выделять в игровом тексте “серьезное измерение”. Игра на уровне текста самоценна, она вполне может рассматриваться как “серьезный” вид деятельности» [5. С. 19].

О.А. Корниенко в своей монографии, напротив, косвенно признает служебную роль языковой игры в реализации идейно-эстетических задач: «В приведенных фрагментах произведений серьезного и трагического звучания мы сталкиваемся с приемом словесной игры, но не с каламбуром, функциональное поле которого все же связано с остроумием и сферой комического использования» [6. С. 24].

В лингвистических исследованиях языковой игры, одновременно с тенденциями замкнуть ее только рамками комических задач, существует более широкое понимание. Так, Т.А. Гридина, наряду с функциями транслятора культурных смыслов и имитативной, выделяет «функцию усиления художественной изобразительности», создания «новых форм и смыслов слова как элемента образной эвристики художественного произведения» [7. С. 67].

Таким образом, представляется возможным говорить о языковой игре в поэзии Симонова как явлении, связанном с широким кругом идейно-эстетических задач. Вопрос же об игровой поэтике, даже в понимании О.А. Корниенко, требует исследования его творчества на нескольких уровнях.

Рифма как элемент языковой игры в довоенном творчестве К. Симонова

В ранних поэмах Симонова интерес к омонимической и тавтологической рифмам наиболее очевиден. В «Повести о трех братьях» мы видим переход от тавтологической к омонимической рифме: «А через город, ровняя фронт, / Летел по четыре в ряд / Из Петрограда на южный фронт / Конно-морской отряд» [8. С. 167–168]. Полисемантическая рифма фразеологически связанного «ровняя фронт» со словом в основном значении соседствует с полутавтологической (по терминологии М.Л. Гаспарова) рифмой «ряд – отряд». Вторые слова в парах вбирают значение первого члена, частная история героев в финале показывается как сколок с грандиозных событий гражданской войны.

В поэме «Возвращение» поэт соединяет рифмой омонимы «часы – часы»: «На миг его доверчивое тело / напомнило давнишние часы... / Но вспоминать сейчас не захотел он / и с легким вздохом вытащил часы» [9. С. 145]. Для поэтики Симонова характерно, что в этой же строфе появляется корневой повтор «напомнило – вспоминать». И рифма, и повтор призваны подчеркнуть различие, разделить тело и дух, волю. Тело ностальгирует по прошлому, связанному с нехитрым уютом и семьей, – безытнный дух стремится за убегающим временем. Так, рифма выявляет внутренний конфликт в героеромантике и указывает на его нетождественность самому себе. Диалектическую сущность рифмы подчеркивал Ю.М. Лотман: «Процесс со- и противопоставления, разные стороны которого с различной ясностью проявляются в звуковой и смысловой гранях рифмы, составляет сущность рифмы как таковой. Природа рифмы – в сближении различного и раскрытии разницы в сходном» [3. С. 129].

Широким полем языковой игры стала поэма Симонова «Павел Черный». Не все омонимические рифмы Симонова изобретательны, он не упускает случая зарифмовать существительные нарицательные с именами собственными «Губой <прозвище героя> – губой» [10. С. 9]. (В.Е. Холшевников относит такие случаи к тавтологии [11. С. 90].) Другие рифмы также служат характеристике персонажей: «садились за очередной тур – на скользкой почве пешек, слонов и тур» [10. С. 23], «он деньги вкладывал в банк – рисковал по крупной, но никогда – ва-банк» [10. С. 43]. Даже минимального контекста достаточно, чтобы увидеть, что омонимическая рифма построена на переходе от частного действия к характеристике ситуации или героя. Даже конкретное существительное «тура» («ладья») в метафоре «почва тур» обретает значение «любовь к шахматам».

Для характеристики используются и омофоны: «Черный взглянул на голос, молча выхватил молот / Из Иоськиных рук, а Иоську прочь оттолкнул слегка. / Иоська тихо заплакал, он был еще слишком молод, / Он мог еще

обижаться от каждого пустяка» [10. С. 59]. Омонимы относятся к разным героям и выявляют несходство их натур, при этом образ молота указывает на внутренние качества Павла Черного. Так, деталь внешности, частный случай поведения или случайный предмет благодаря омонимической рифме повышаются до знаковой характеристики образа.

Самый изысканный случай рифмовки представляют собой составные омонимические рифмы. Именно за ними, как чересчур броскими, закрепилось название каламбурные [12; 4]. Единственный раз Симонов обращается к ним в ранней поэме: «Много я мест объездил. Много я касс очистил. / И не было специалистов по кассам почище нас. / Как грек на углу ботинки, так я эти кассы чистил. “Пожалте другую ножку! Эта почищена-с!”» [10. С. 63] Формальный изыск, выставленный напоказ, идет в пандан с самовосхвалением героя и в некотором смысле удостоверяет его мастерство. Симонов настойчиво выделяет корень «чист»: вторая рифма в строфе – полутавтологическая «очистил – чистил». Во втором слове поэт использует дилогию и сливает с переносным значением основное «освобождал от грязи». Уже этот пример из ранней поэзии Симонова позволяет утвердиться в мысли, что для поэта важнее интерес к повторам, чем к собственно омонимической рифме. Кроме эстетического наслаждения остроумной игрой, ощущения подвластности языка, здесь очевидна и миромоделирующая функция, показывающая сложность жизни, прошитой разнообразными связями.

Рифму, и без того выдвигающую центральное понятие, поддерживают повторы в следующем виртуозном пассаже: «Там, в приемном покое, белизна после трех побелок, / Сестрица в белом халате, в белом платке с узлом, / Белой дебелой ручкой заполняет пробелы / В белой больничной книге, за белым большим столом» [10. С. 57]. Неточную рифму «побелок – пробелы» сложно отнести к тавтологическим, но устойчивый интерес к повторам, и не только зарифмованным, очевиден. В изображении холодных и светлых больничных покоев вовлечены «дебелой» и «пробелов», тоже начинающие светить отраженным светом других слов. Возникает явление, которое Ю. Тынянов называл «ритмической метафорой». Это звуковые повторы, благодаря им «в слове оживают колеблющиеся признаки значения, которые в наиболее редких случаях могут привести к явлениям ложной этимологии» [13. С. 107–108].

Значение языковой игры, максимально обнаженной благодаря рифме, может выходить за рамки отдельного эпизода. Слова «чистить» и «белый» оттеняют название поэмы и фамилию героя «Павел Черный» и в совокупности подчеркивают мотив изменения – перековки.

В ранних стихотворениях Симонова находим только одну неточную омонимическую рифму в «Новогоднем тосте». «Друзья, тревожиться сейчас стоит, / Республика опять в колодце волчьем. / Итак, поднимем этот тост стоя / И выпьем нынче в первый раз молча» [2. С. 77]. В данном случае рифма создает у обоих глаголов тот, говоря словами Ю. Тынянова, «колеблющийся признак», который указывает на потребность и готовность к мобилизации. Здесь особенность речи порождает ощущение связи называемых совпадающими словами реалий. Омонимы не бросаются в глаза, но подспудно действуют, подтверждая пророческую уверенность, с которой произносится тост.

В довоенных поэмах языковая игра реализуется чаще, чем в отдельных стихотворениях. В поэме «Победитель», цитатой из которой начиналась статья, есть несколько подлинно омонимических рифм. «Очнулся при электрическом свете, / Поднялся. Кругом зашептали: “Ложись”. / Озлобленно вспомнил: “Чтоб жить на свете, / Придется лекарства жевать всю жизнь”» [2. С. 315]. Снова омонимы обнажают трагическую нелепость жизни, но теперь слово с более узким значением поглощает более широкое: мир сужается до кружка электрического, неестественного света. Эффект омонимической рифмы в поэме «Победитель» близок к гротеску, жизнь изломана, и Островский Симонова, как подлинно романтический герой, противопоставит этому страшному миру.

То же двоemiрие фиксирует и следующая рифма: «У двери холодного черного дома / Дважды нажал старомодный звонок / “Дома ли доктор?” – “Профессор дома”. / Он святотатственно пренебрег / Ковриком для вытирания ног» [2. С. 316]. Хиазм, усиливающий рифму, разводит контекстуальные антонимы «доктор» и «профессор». Для героя важна возможность исцеления, и он использует слово «доктор» в значении «врач», даже «лекарь». Но открывший дверь принадлежит иному миру и подчеркивает статус врача – «профессор». Безрезультатность лечения предсказана уже в этом эпизоде. И это предчувствие усиливает рифма «дома – дома». Для раннего Симонова дом – образ отрицательный, связанный с мещанством. Настойчивое повторение «дом» убеждает во враждебности пространства герою. А выразительное определение «святотатственно», передающее точку зрения обитателей дома, закрепляет антагонизм образов.

Заканчивается поэма «Победитель» часто цитируемой строкой, в которой справедливо узнавали аллюзию на Маяковского, но не обращали внимания на подлинную омонимическую рифму: «Слышишь, как порохом пахнуть стали / Передовые статьи и стихи? / Перья штампуют из той же стали, / Которая завтра пойдет на штыки» [2. С. 326]. Симонов использует тот же эффект характеристики времени через его приметы, который мы отмечали в «Новогоднем тосте». Очевидно, что в том и другом случае поэт стремится к созданию строф афористической четкости. В. Жирмунский, говоря о ритмико-синтаксическом параллелизме как магистрали появления рифмы, отмечает и еще одну боковую тропку – «случаи, когда причиной появления рифмы является сближение двух слов, далеких по значению, но совпадающих в звуковом отношении – “каламбурную рифму”, например в пословице, поговорке, загадке» [14. С. 425]. Вероятно, порой (особенно в финале произведений) Симонов использует омонимическую рифму как способ придания афористической четкости стиху, приближая строки к остроте и емкости пословицы.

В поэме «Ледовое побоище» Симонов повторит рифму «стали – стали» [2. С. 341], зарифмует грамматически разнородные «встав рядом – Торговым рядом» [2. С. 337]. Концептуально более важна другая омонимическая рифма: «Шли псковичи и ладожане, / Шли ижоряне, емь и весь, / Шли хлопцы, смерды, горожане – / Здесь Новгород собрался весь» [2. С. 340]. Синтаксически, путем использования обобщающего слова, закрепляется одна из функций омонимической рифмы у Симонова – включение частого в общее.

Другой пример из той же поэмы относится к характеризующей функции рифмы: «Князь Александр расположился / В той горнице, где комтур

жил. / Как видно, комтур тут обжился – / Валялась плеть из бычьих жил» [2. С. 342]. Омонимическая рифма выдвигает слово, которое усиливается повтором корня: «обжился» и ритмической метафорой «расположился». Последний глагол звуково соотносится со словами с корнем «жил», но коннотативно противопоставляется им. Защитник народа Александр не похож на рыцарей, о чьих нравах говорит остросатирическая деталь «плеть из жил». Эта рифма будет повторена поэтом в переводе стихотворения Киплинга «Гиены»: «За что он умер и как он жил – / Это им все равною. / Добраться до мяса, костей и жил / Им надо, пока темно» [2. С. 541]. Рифма выступает в другой функции и подчеркивает трагизм бытия, когда от человека остается комок терзаемой плоти. Заметим, что в оригинале Киплинг не прибегает к игре с омонимами.

В поэме «Суворов» рифм, которые бы могли быть однозначно определены как омонимические, нет. Остановимся на случае, в котором сама непроясненность природы рифмы становится элементом содержания: «Пять лейб-гвардейцев на пирушке / Решили, что царя пора... / Пора, а что – нам неизвестно. / Но у Гостиного двора / Кинжал какой-то житель местный / Купил, промолвивши: “Пора...” / Пора, а что – мы не дознались, / Но есть донос, что до утра / В трактире в номере шептались, / всё повторяли: мол, пора...» [2. С. 355]. Каждый раз слово «пора» рифмуется с другим, но через несколько строчек появится снова: мнительному Павлу даже в верноподданническом «ура-а!» слышится зловещее «Пор-р-а...». В приведенных строчках реплике покупателя ножа недостает контекста, чтобы отличить существительное от категории состояния. Что если покупатель просто говорил о погоде – поре? Так невозможность классифицировать рифму актуализирует вопрос о недоказуемости обвинений.

Полисемантическая рифма в зрелом и позднем творчестве К. Симонова

На следующем этапе творчества, который открывается монгольским военным циклом, языковая игра идет на убыль. В поэме «Первая любовь» Симонов развивает менее броский, но ставший основой его поэтики прием корневого повтора, усиленного рифмами: «Да, стоит быть нелепым, безрассудным, / Уехать к ней, себе же на беду, / Как хорошо, что ничьему суду / Такие преступления неподсудны» [2. С. 422]. Здесь поэт прибегает к этимологической регенерации, актуализируя мысль, что рассудок самого человека есть его судья. Отметим, что слово с тем же корнем включено и во вторую пару рифм. Мы считаем, что подобная игра порождена стойким интересом автора к выдвиганию центральных мотивов и обогащению их с помощью создания густой семантической сетки.

В произведениях, непосредственно связанных с Монголией, обращение к омонимическим рифмам происходит дважды. В стихотворении «Слишком трудно писать из такой оглушительной дали...» первая строчка стихотворения рифмуется с третьей «Все ли есть у него, все ли зимнее дали?» [2. С. 112]. В поэме «Далеко на Востоке» представлена более сложная языковая игра:

Там знают старый устав:
 танки идут с пехотой, а у русских нет пехоты,
 она еле бредет, устав,
 она еще в ста верстах,
 она еще в ста верстах,
 ей еще два перехода [2. С. 451].

Несложно заметить, что перекрестная рифма усиливается «раздвоением стиха» [15. С. 448], «устав – устав, верстах». Повтор введен, чтобы буквально показать и непреодолимость расстояния и путем отодвигания рифмы передать медлительность перехода. Но в мотивном сплетении участвует и внутренняя рифма «верстах – ста». Звуковое тождество снова способствует созданию сложного семантического комплекса. Сеть повторов показывает сцепление обстоятельств, которые буквально опутывают советское войско. Правила войны, усталость, расстояние – все делает невозможным танковый бой, который будет описан дальше как проявление стратегической смелости.

В годы войны мы не встречаем у Симонова омонимической рифмы в чистом виде, а пограничные случаи, основанные на полисемии, есть только в юмористических произведениях – «Корреспондентской застольной», «Сказке о городе Пропойске». Интересна рифма в «Песне о веселом репортере», написанной совместно с А. Сурковым. Омонимы вынесены в сильную позицию конца стиха, но не рифмуются между собой: «В блокноте есть три факта, / Что потрясут весь свет, / Но у Бодо контакта / Всю ночь с Москвою нет; // Он, чтобы в пусть неблизкий / Отправить этот факт, / Всю ночь с телеграфисткой / Налаживал контакт» [2. С. 137]. Здесь обыгрывание различных значений слова «контакт» подчеркнуто их рифмовкой со словом «факт» в разных словоформах.

В цикле «С тобой и без тебя» омонимических рифм нет вовсе. Лишь в предпоследнем стихотворении цикла Симонов обращается к выдвиганию вариантов одного слова, не рифмующихся между собой, в сильную позицию рифмы с очевидной целью создания афористичного финала: «Как камень я стою среди камней, / Прося лишь об одном: “Не трогайте руками / И посторонних надписей на мне / Не делайте... Я все-таки не камень...”» [2. С. 217]. Хотя второе значение фразеологически связано, словоформы «камней» и «камень» сохраняют близость, поэтому финал вызывает впечатление непрозрачности, невозможности для героя выдержать взятую на себя роль.

Новый всплеск интереса к омонимическим и полисемантическим рифмам обнаруживается у Симонова в цикле «Друзья и враги». Многие его стихотворения – политические памфлеты, потому и приемы острословия оказываются актуальны. Так, в стихотворении «Тигр», обличающем жестокую, родственную фашистской природу американского хозяина газет, сущность героя раскрыта в строфе: «В том, как весь вечер выдержал он стойко / Со мной на этих вежливых ножах, / Была не столько трезвость, сколько стойка / Перед прыжком в газетных камышах» [2. С. 228]. Рифма не сближает, а разводит понятия, работая на снижение образа: стойкость, важное и уважаемое человеческое качество, низводится до инстинкта хищника.

В «Балладе о трех солдатах» сразу несколько полисемантических рифм. Иронично описание польских военных на службе у союзников: «Прямо англичане – да и только, / Все различье – над плечами только» [2. С. 233] (под разли-

чиями имеются в виду погоны, хотя, возможно, речь идет и о голове, сознании). Второе «только» как бы уточняет, а на самом деле перечеркивает значение фразеологизма, уничтожает тождество. Далее о тех же солдатах говорится: «Три давно уж в глубине души / Мертвые для Лондона души».

В стихотворении «Немец», посвященном немецкому коммунисту, персонифицирована песня, которую он исполняет: «Все видели, она одета / Из-под Мадрида, прямо с фронта: / В плащ и кожанку с пистолетом / И тельманку с значком Рот-Фронта» [2. С. 236]. В данном случае Симонову важно сближение понятий, приравнивание войны идеологической к вооруженным действиям.

Несколько неточных рифм, основанных на омонимии и многозначности, скрепляют строки более интимных стихотворений цикла «Друзья и враги». Они окрашены мягким юмором и содержат пропитанные самоиронией ламентации оторванных от дома мужчин. О русских именах, начертанных по-японски, герой говорит: «Иероглифами три имени, / Четвертое – мое, / Но так и не знаем именно, / Где – чье?» [2. С. 254]. Имя как фактор идентификации часто отождествляется с сущностью, носитель имени не может забыть или перепутать его, но здесь это происходит, о чем говорит уточняющая частица. Снова парадоксальность, но теперь уже комическая. Та же самоирония проявляется и в полуомонимической рифме: «Особенно если конечности / Мерзнут до бесконечности» [2. С. 255]. Эффект этой рифмы уже вовсе каламбурный, так как сводит предельно далекие понятия.

Поздние поэмы Симонова совершенно свободны не только от омонимических рифм, но и от игры с многозначными словами в рифмующейся позиции. Единственное исключение составляет фраза, воспроизводящая устную речь, в поэме «Иван да Марья». «Если ж в ноль часов он не будет, / Просит сутки продлить до завтра... / Что вы, Марья Петровна? Будет! / Будет с трубкой сидеть в слезах-то!» [2. С. 477] Здесь рифма связана с тоном мягкого юмора, которым окрашена вся сцена и просьба мужа. Очевидно, что омонимические рифмы все явственней воспринимаются как комический прием.

У позднего Симонова интерес к повтору как способу придания стихам афористической отточенности практически полностью вытесняет игру с омонимами. Так, финал «Госта, услышанного в Дагестане» полостью тавтологичен: «Пусть те, кого мы любим, / Живут, как мы желаем! / И те, кого не любим, / Живут, как мы желаем!» [2. С. 277]. Но очевидно, что слово «желаем» имеет диаметрально противоположное наполнение. В другом коротком стихотворении Симонов возвращается к полутавтологической рифме «видеть» – «ненавидеть». Поэт неоднократно рифмовал эти глаголы в разных словоформах, преимущественно чтобы создать общее поле значений и продемонстрировать сложность отношений. Но у позднего Симонова афористические строки строятся именно на противопоставлении: «Бывает, слово “ненавижу” / Звучит слабей, чем “не увижу”» [2. С. 286].

На фоне интереса к повтору выделяются несколько поздних случаев использования омонимов в рифме. Неточная омонимическая рифма создает острый обличительный эффект в стихотворении из цикла «Вьетнам, зима семидесятого»: «Моя сестра благополучно родила / В землянке, в результате опе-

рации. / Пилот, пустивший “шрайк” из-под крыла, / Цель поразив, сказал своим по рации: / “Я цел, о’кей!” – про эту операцию» [2. С. 287]. Здесь омонимы относятся к разным лицам и, как нигде, четко противопоставляют две точки зрения на одно и то же событие и два мира, которыми они порождены.

Последний случай игры с омонимами мы встречаем в стихотворении 1974 года «То недосуг самих себя чинить...»: «Не оттого ль так часто и хороним, / Что некогда друг друга хоронить?» [2. С. 304]. Омонимы не рифмуются, но вынесены в сильную позицию. «Хоронить» во втором случае используется в значении «беречь», обращение к полисемии повышает смысловую емкость фразы и приближает строки даже не к афоризму, а к парадоксу. Так, в поздних стихотворениях, наряду с новой функцией обособления ключевых строк, происходит возвращение к прежней – обнажать гротескность бытия.

Заключение

Интерес Симонова к омонимической и тавтологической рифме связан с более широким явлением – языковой игрой, основанной на полисемии. В начале творчества названные виды рифмы используются чаще, поэт обращается даже к такой эффектной форме, как составная омонимическая рифма. С годами внешняя броскость таких экспериментов затеняется, поэт выносит омонимы или многозначные слова в сильную позицию конца стиха, но не рифмует между собой. Рифма может выполнять характеризующую функцию, создавая емкий образ героя или времени. Отношения между компонентами рифмы основаны либо на включении частного в общее и повышении роли детали или на противопоставлении рифмующихся слов. В зрелом творчестве омонимические и тавтологические рифмы имеют закрепленную в литературе юмористическую функцию, а в послевоенном творчестве еще и подчеркивают особую отточенность стихотворных афоризмов. Попутно с этими функциями, а иногда и не затрагивая их, рифма становится способом миромоделирования. Используя повторы, семантизируя случайные совпадения, Симонов создает плотный семантический узор, раскрывающий порой гротескные, порой просто неочевидные связи жизненных явлений. Совокупность рассмотренных примеров дает основания утверждать, что для Симонова характерен стойкий интерес к языковой игре. Этот факт позволяет в дальнейшем ставить вопрос об игровом характере поэтики Симонова и требует пересмотра отношения к нему как поэту, не интересующемуся вопросами формы.

Список литературы

- [1] *Лазарев Л.И.* Поэзия Константина Симонова // Симонов К.М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. С. 5–68.
- [2] *Симонов К.М.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. 623 с.
- [3] *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- [4] *Гаспаров М.Л.* Рифмы омонимические и тавтологические // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 2. С. 44–57.
- [5] *Рахимкулова Г.Ф.* Языковая игра в прозе Владимира Набокова. К проблеме игрового стиля: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2004. 46 с.

- [6] Корниенко О.А. Игровая поэтика в литературе. Киев: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2017. 242 с.
- [7] Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: УралГПИ, 1996. 215 с.
- [8] Симонов К. Повесть о трех братьях // Знамя. 1936. № 8. С. 164–168.
- [9] Симонов К. Возвращение // Октябрь. 1937. № 7. С. 140–146.
- [10] Симонов К. Павел Черный. М.: Советский писатель, 1938. 83 с.
- [11] Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. М.: Академия, 2004. 208 с.
- [12] Жирмунский В. Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975. 664 с.
- [13] Тынянов Ю. Проблемы поэтического языка. Л.: Academia, 1924. 139 с.
- [14] Гаспаров М.Л. Очерки истории русского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 349 с.
- [15] Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. Л.: Учпедгиз, 1959. 535 с.

References

- [1] Lazarev, L.I. (1982). Poeziya Konstantina Simonova [Constantine Simonov's poetry]. In K.M. Simonov, *Stikhotvoreniya i poemu* [Poetries and Poem]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ.
- [2] Simonov, K.M. (1982). *Stikhotvoreniya i poemu* [Poetries and Poem]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ.
- [3] Lotman, Yu.M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of the artistic text]. Moscow: Iskusstvo Publ.
- [4] Gasparov, M.L. (2011). Rifmy omonimicheskie i tautologicheskie [Homonymous and tautological rhymes]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 70(2), 44–57.
- [5] Rakhimkulova, G.F. (2004). *Yazykovaya igra v proze Vladimira Nabokova. K probleme igrovogo stilya* [Language game in Vladimir Nabokov's prose: To the problem of game style] (abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Rostov-on-Don.
- [6] Kornienko, O.A. (2017). *Igrovaya poetika v literature* [Play-element poetics in literature]. Kiev: Vid-vo NPU imeni M.P. Dragomanova Publ.
- [7] Gridina, T.A. (1996). *Yazykovaya igra: Stereotip i tvorchestvo* [Language game: Stereotype and creativity]. Yekaterinburg: UralGPI Publ.
- [8] Simonov, K. (1936). Povest' o trekh brat'yakh [Tale of three brothers]. *Znamya*, (8), 164–168.
- [9] Simonov, K. (1937). Vozvrashchenie [Return]. *Oktyabr'*, (7), 140–146.
- [10] Simonov, K. (1938). *Pavel Chernyi* [Pavel Chernyi]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ.
- [11] Kholshchikov, V.E. (2004). *Osnovy stikhovedeniya. Russkoe stikhoslozhenie* [The basics of poetry. Russian versification]. Moscow, Akademiya Publ.
- [12] Zhirmunskii, V. (1975). *Teoriya stikha* [The theory of verse]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ.
- [13] Tyunyanov, Yu. (1924). *Problemy poeticheskogo yazyka* [The problem of verse language]. Leningrad, Academia Publ.
- [14] Gasparov, M.L. (2000). *Ocherki istorii russkogo stikha* [Essay on the history of Russian verse]. Moscow, Fortuna Limited Publ.
- [15] Tomashevskii, B.V. (1959). *Stilistika i stikhoslozhenie* [Stylistics and versification]. Leningrad, Uchpedgiz Publ.

Сведения об авторах:

Коржова Инесса Николаевна, докторант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Леденёв Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Bio notes:

Inessa N. Korzhova, doctoral student of the Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process of the Lomonosov Moscow State University.

Alexander V. Ledenev, Professor of the Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process of the Lomonosov Moscow State University.